

САША САТУР

ДЕВЯТАЯ
СОЛЬ

Саша Сатур

Девятая Соль

«Автор»

2026

Сатур С.

Девятая Соль / С. Сатур — «Автор», 2026

Я — солистка императорского театра, а по ночам убиваю демонов ядами собственного производства. Теперь Орден требует уничтожить Леонарда Деверейна — верховного демона, которого я видела рядом с телом своей матери. Леонард покупает мой театр, отдаёт мне главную партию и сам подпускает достаточно близко для смертельного удара. Пока я готовлю Девятую соль, способную лишить его бессмертия, на сцене мне приходится доверять мужчине, которого я собираюсь убить. До премьеры я должна выбрать: выполнить приказ или спасти того, кто пришёл в этот город только ради меня. Иначе запрещённый балет откроет врата между мирами. Верховный демон, пришедший только ради неё Балерина-охотница и химик Враги и вынужденные союзники Ночные репетиции и запретный балет Опасное влечение Завершённый счастливый финал

© Сатур С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Саша Сатур

Девятая Соль

Пролог

Огонь под сценой

— Ты не уничтожишь результаты только потому, что испугалась собственного открытия, Ливия.

Мужской голос донёсся из задней комнаты как раз в тот момент, когда я поднялась на полупальцы. От неожиданности меня повело в сторону, и пробирки в ближайшем штативе тонко зазвенели. Я успела схватиться за край стола, но сразу поняла, что мама всё услышала.

— Ника, пожалуйста, не танцуй возле реактивов, — сказала она из-за высокого шкафа. — Я не вижу тебя и начинаю нервничать.

— Я не танцую. Я просто стою.

— Тогда стой обеими ногами на полу.

Я опустила с полупальцев и сердито посмотрела на часы над служебной дверью. Мама обещала закончить через десять минут, а прошло уже двадцать три. Сначала я сидела на табурете и честно ждала. Потом наверху заиграл финал спектакля, и усидеть стало невозможно.

Даже здесь, под сценой, я слышала, как пуанты отбивают рисунок последней вариации. Я знала эту музыку наизусть и представляла, как солистка пересекает сцену, пока кордебалет освобождает ей дорогу. Когда-нибудь так же расступятся передо мной. Возможно, даже завтра, если на утреннем классе я удержу равновесие и меня наконец выпустят из второго ряда.

Для этого мне не хватало всего восьми ровных счётов.

Я снова поставила стопу к колену, стараясь не задеть пяткой нижнюю полку. Между лабораторными столами было тесно, зато плитка не пружинила, как старый пол в репетиционном зале. Оставалось следить за животом и не поднимать плечи.

— Ты ведь не собираешься сжечь записи? — спросил мужчина уже тише. — Скажи, что я неправильно тебя понял.

Я замерла, так и не начав считать.

Мама не говорила, что у неё гость. Наверное, он пришёл, пока я бегала к автомату за водой, и сразу прошёл в заднюю комнату, которую почти полностью загораживал шкаф. Отсюда я видела только узкий проход и край маминого стола. Сам мужчина оставался невидимым, хотя его голос казался знакомым.

— Здесь моя дочь, — ответила мама. — Если ты не способен говорить спокойно, уходи.

— Мы можем выйти в коридор и обсудить всё без неё.

— Обсуждать больше нечего. Я сказала тебе нет.

Он замолчал. Наверху оркестр закончил последнюю фразу, и зал встретил артистов аплодисментами. Я ждала, что мужчина уйдёт, но вместо шагов услышала, как в задней комнате задвинули ящик.

Мама появилась в проходе, прижимая к груди чёрный футляр с рабочими записями. Она была совсем близко, поэтому я сразу заметила, как побледнело её лицо.

— Ника, надень куртку. Мы уходим прямо сейчас.

— А шоколад?

— Купим по дороге, я обещаю. Только не спорь и поторопись.

Она попыталась улыбнуться, но смотрела не на меня, а за шкаф, и от этого мне впервые стало не по себе.

— Ты не унесёшь футляр, — произнёс мужчина.

— Отойди от двери.

— Образец распался, Ливия. До твоего состава его не брали ни огонь, ни кислота, а ты растворила оболочку за несколько секунд. Не притворяйся, будто это ничего не значит.

— Один опыт ничего не доказывает, но ты уже решил провести второй на живом. Для этого откроешь Порог во время спектакля, когда над нами полный зал?

— Именно зал даст достаточно энергии. Хранитель почувствует повреждение и придёт его закрывать, поэтому мне даже не понадобится знать имя.

Я медленно сняла куртку со спинки стула, не решаясь надеть её. Слово «Порог» звучало так, будто они говорили о двери, но ни одна дверь не нуждалась в энергии зрителей. Хранителя я тоже не знала. Взрослые часто думали, что непонятные слова делают разговор тайным, хотя на самом деле они только заставляли меня слушать внимательнее.

— Тебе нужен не второй опыт, — сказала мама. — Тебе нужно оружие.

— Мне нужна защита. После того, что они сделали с нами, ты обязана понимать разницу.

— Я как раз понимаю её слишком хорошо. Чужая жестокость не даёт нам права выбрать живую мишень и назвать это необходимостью.

— А что ты скажешь Нике, когда они придут снова? Объяснишь, что могла их остановить, но решила сохранить чистую совесть?

Мама шагнула обратно за шкаф.

— Не смей прикрываться моей дочерью.

Я услышала, как что-то ударилось о стол. В проходе показался белый рукав, а в мужской руке блеснула узкая ампула.

— Поставь её на место, — потребовала мама. — Моему составу нельзя касаться пепла, пока сцена работает.

— Значит, ты всё-таки рассчитала реакцию.

— Я рассчитала, как её не допустить.

Белый рукав исчез. Почти сразу раздался короткий хруст, в котором я узнала разбитое стекло.

— Мама?

Из задней комнаты вылетела колба с отколотым горлышком и покатила по полу. Прозрачная жидкость растеклась по плитке. Добравшись до чёрного порошка, просыпавшегося из второй ёмкости, она впиталась в него без остатка.

Наверху снова усилились аплодисменты.

Чёрные крупинки дрогнули и начали отрываться от пола. Сначала я решила, что из задней комнаты подул, но воздух двигался в другую сторону, унося запах химии к вытяжке. Порошок всё равно поднимался. Он собрался возле прохода и закрыл свет плотной тенью.

— Ника, беги к выходу! — крикнула мама.

Я не послушалась, потому что она осталась за шкафом.

Наверное, любой разумный человек на моём месте побежал бы. Но мама никогда не кричала таким голосом, и я не могла оставить её за шкафом с мужчиной, который только что разбил что-то опасное. Я сделала шаг к проходу, собираясь хотя бы увидеть её, и резкий запах обжёг нос так, что всё вокруг поплыло от слёз.

За шкафом вспыхнул огонь.

Мама выбежала в лабораторию уже без футляра и сорвала огнетушитель со стены. Струя на мгновение пригнула пламя, но не погасила его. Теперь огонь был темнее обычного и почти не освещал комнату.

— Почему он не гаснет? — спросила я.

— Потому что это уже не просто пожар. Ника, пожалуйста, сделай хотя бы сейчас то, что я говорю.

Она схватила меня за плечо и повела к служебной двери. Я успела заметить, что чёрный порошок больше не висит в воздухе. Он стекался к швам между плитками, будто под полом его что-то звало.

Низкий гул пришёл снизу и отдался в ступнях. Дверцы шкафов задребезжали, а по полкам потекло содержимое лопнувших пробирок. Мама подтолкнула меня сильнее.

— Не оглядывайся. До двери осталось несколько шагов.

Я сделала два.

Взрыв под потолком отбросил меня на край стола, и я упала на пол. Когда я попыталась подняться, в спину вошло что-то острое.

Я не сразу поняла, что произошло. Просто вдох оборвался посередине, будто грудь перестала слушаться, а пол приблизился к лицу.

Мама закричала моё имя.

Свет погас, и лабораторию осветило только пламя. Дым резал горло и пах горелой тканью. Аплодисменты наверху ещё продолжались, оттого всё происходящее казалось страшной ошибкой: люди радовались всего в нескольких метрах от нас и не знали, что под сценой горит лаборатория.

Я повернула голову к служебной двери.

Там стоял мужчина в светлой одежде. Слезы мешали разглядеть лицо, зато чёрный футляр под его рукой я узнала сразу.

— Помогите, — выговорила я.

Он посмотрел в мою сторону и отступил за дверь.

— Стой! — крикнула мама.

Дверь закрылась, и я так и не увидела, каким было его лицо.

Мама опустилась рядом со мной. Когда её пальцы коснулись металла, торчавшего из спины, она выругалась словом, которого я прежде от неё не слышала.

— Не двигайся, Ника. Осколок вошёл под лопатку, и я должна понять, насколько глубоко.

— Я и так не могу двигаться.

Она провела ладонями вдоль рёбер, стараясь не задеть рану, потом прижала к ней сложенную ткань. Боль стала сильнее, и я попыталась отползти, но тело не подчинилось.

— Мне больно. Убери руку.

— Если уберу, ты потеряешь слишком много крови. Посмотри на меня и скажи, можешь ли вдохнуть.

Я попробовала. Воздуха хватило только на короткий вдох.

Мама поняла ответ без слов. Её лицо оставалось спокойным, однако пальцы на ткани дрожали, и это напугало меня сильнее огня.

— Я хочу домой, — сказала я.

— Я тоже хочу домой. Мы обязательно уйдём, но сначала ты поможешь мне удержать тебя здесь. Помнишь, как мадам Елена заставляет считать, когда тебе тяжело?

— Она заставляет считать, чтобы я не жаловалась.

— Иногда это одно и то же. Давай дойдём до восьми.

— Я не смогу.

— Тогда дойдём до следующего числа. Больше от тебя ничего не требуется.

Я смотрела на мамин рот, потому что остальное лицо расплывалось.

— Раз.

Из задней комнаты пришёл глухой удар. Порошок собрался у шва между плитками, и пол разошёлся, открывая узкую щель в темноту.

Мама обернулась. По тому, как она застыла, я поняла: именно этого она боялась с самого начала.

— Пепел стал якорем, — произнесла она, словно проверяла собственный вывод. — А силу он взял у полного зала.

Я не поняла ни слова, но услышала страх в её голосе.

— Два, — напомнила мама и встала между мной и разошедшимся полом.

Щель становилась шире. Под плитами не было бетона, хотя лаборатория находилась в подвале. Там вообще ничего не было, кроме темноты, от которой у меня заломило зубы.

Из темноты показалась чёрная рука. Вторая легла на пол рядом, и существо подтянулось наверх, расправляя крылья в слишком тесной для него комнате.

Я знала, как в театре прячут каркас крыльев под костюмом. Эти крылья были живыми: они раскрылись вместе со вдохом существа и задели шкаф. Когда оно посмотрело на нас, вместо глаз я увидела сплошную темноту.

Я забыла сказать «три».

Существо посмотрело на маму.

— Кто открыл Порог?

Голос был тем же низким звуком, который я чувствовала через пол. Мама кивнула на служебную дверь, не отходя от меня.

— Мужчина в белом смешал пепел с моим составом и ушёл с записями.

Существо посмотрело под ноги.

— Значит, ему был нужен Хранитель.

Теперь я поняла хотя бы это слово. Хранителем называли его.

Мама тоже посмотрела вниз, будто впервые вспомнила о металле в моей спине.

— Осколок вошёл под лопатку и не даёт ей дышать, — сказала она. — Леонард, мне нужен осколок Короны.

Я впервые услышала его имя.

Леонард приблизился. Конец крыла задел горящий штатив, и пламя сразу почернело, утратив жар. Я чувствовала это даже с пола: огонь продолжал двигаться, но больше не грел кожу.

— Ты понимаешь, о чём просишь? — спросил он. — Если я дам тебе часть Короны, она останется в девочке и свяжет её с Порогом.

— Если не дашь, через несколько минут связывать будет некого.

— Ты не знаешь, что Корона делает с человеческим телом.

— Зато я знаю, что делает с ним осколок металла возле лёгкого. Мне некогда выбирать безопасный путь, Леонард. У меня остался только тот, на котором она выживет.

Он долго смотрел на маму, и я вдруг подумала, что они встречались раньше. Незнакомцы не спорят так, словно продолжают разговор, начатый много лет назад.

— Связь нельзя будет отменить одним твоим составом, — предупредил он.

— Всё, что наступит после её следующего вдоха, я решу потом.

Мама протянула руку.

Леонард опустил на одно колено и прижал ладонь к рёбрам. Под его кожей проступил знак. Он поддел его ногтем, медленно вытянул наружу и положил маме на ладонь осколок, похожий на чёрный металл с узкой золотой прожилкой.

— Четыре, — напомнила мама.

Мне потребовалось время, чтобы понять, чего она ждёт.

— Четыре.

Она бросила осколок в металлическую чашку и раздавила тяжёлым инструментом. Потом добавила содержимое ампулы, которую достала из кармана халата. Смесь потемнела, а металл под ней заскрежетал, словно чашка не выдерживала прикосновения.

Мама наполнила шприц.

Я увидела иглу и попыталась отодвинуться.

— Нет.

— Ника, послушай меня. Укол придётся сделать рядом с сердцем.

— Ты знаешь, что я боюсь.

— Знаю, поэтому не стану обманывать. Будет больно, но я предупрежу тебя заранее и не отпущу.

— Я не хочу.

— Я тоже не хочу причинять тебе боль. Но сейчас страх не означает, что мы можем отказаться.

Она расстегнула ворот моего трико и нащупала место между рёбрами. Я смотрела на её лицо, стараясь не думать об игле.

— Пять, — сказала мама.

Игла вошла в грудь, и белый свет спрятал от меня лабораторию.

Во рту стало горько, будто я лизнула монету. На следующем ударе сердца я наконец смогла вдохнуть глубже.

— Шесть, — донёсся мамин голос.

Белый свет отступил.

Лаборатория выглядела прежней, но я видела в ней то, чего раньше не замечала. Осколки лежали неподвижно, однако каждый из них словно тянулся туда, где разошёлся пол. Это движение нельзя было рассмотреть обычным зрением, и всё же я ощущала его настолько ясно, что заболел лоб.

Леонард стоял у Порога, погрузив руки в чёрный огонь. Разошедшиеся плиты начали сходиться. От усилия его повело вперёд, и одно колено коснулось пола.

Гул сделался громче. Боль в моей груди откликнулась на него и поднялась к горлу, заставив меня закричать.

Удар снизу разбил лампы. Мама успела накрыть меня собой.

— Семь, — сказала она мне в волосы.

Её голос стал тише. Когда мама немного отстранилась, я увидела, что халат на её груди пропитан кровью.

— Тебя ранило.

— Не смотри туда.

— Покажи мне.

— Потом. Мы почти закончили, слышишь? Осталось совсем немного.

— Ты говорила, что мы пойдём домой.

— И пойдём.

Она ответила слишком быстро. Я хотела напомнить, что мама всегда запрещала мне врать, но пол снова стал целым, и гул исчез.

Леонард упал на колено. Его крылья рассыпались тёмным пеплом, и через несколько мгновений перед нами был мужчина в разорванной чёрной одежде.

Мама попыталась подняться и не смогла.

Леонард успел подхватить её. Он прижал ладонь к ране на её груди, и между пальцами вспыхнул чёрный огонь. Мама дёрнулась от боли.

— Не трогай её! — закричала я.

— Если я отпущу, она упадёт, — ответил он, не глядя на меня.

Мама вцепилась в его рукав.

— Леонард, послушай. Если я отсюда не выйду, ты должен пообещать мне одну вещь.

— Не сейчас.

— Именно сейчас. Не позволяй ему сделать из неё...

В задней комнате что-то взорвалось, и конец фразы утонул в грохоте. Леонард закрыл меня собой. Жар прошёл над нами, заставив воздух задрожать.

Когда я снова увидела маму, она уже лежала на полу и не двигалась. Леонард стоял над ней, а его руки были в её крови.

— Мама.

Он поднял меня с пола.

Я попыталась вырваться, но ноги не слушались. Леонард держал меня под коленями и за спину, осторожно обходя металл, который всё ещё торчал под лопаткой.

— Поставь меня. Я останусь с мамой.

Он понёс меня к выходу.

— Она там одна. Возьми её тоже.

— Потолок сейчас рухнет. Я вынесу тебя и вернусь.

— Тогда вернись сейчас! Если ты оставишь её, она умрёт.

Через его плечо я видела маму на полу. Огонь подбирался ближе, но Леонард не оборачивался.

— У тебя её кровь, — сказала я. — Что ты с ней сделал?

— Ника, не смотри назад.

— Это ты её убил.

Он на мгновение остановился, будто мои слова оказались тяжелее меня, но ничего не ответил и пошёл дальше.

У выхода была противопожарная дверь с узким окном. Когда Леонард толкнул её плечом, в стекле отразилось человеческое лицо, которое я прежде не видела. Только глаза не изменились: из огня на меня смотрела та же беспросветная чернота.

Именно её я запомнила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.